Научная статья
УДК 94 (470)
DOI 10.46698/VNC.2026.99.28.001

Л. А. Грицай

Дети «врагов народа» как часть советской культурной элиты 1960–1980-х гг.: между лояльностью к власти и оппозицией

Людмила Александровна Грицай
Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, доктор педагогических наук, Россия, Ярославль, **usan82@gmail.com**

Аннотация. *В статье анализируется феномен включения детей репрессированных в советскую культурную элиту 1960–1980-х годов, что позволяет выявить сложные модели индивидуальной адаптации, скрытой оппозиции и открытого несогласия с властью, сформированные под воздействием семейной травмы, трансляции памяти и особенностей советской культурной среды. Исследование основано на биографическом, антропологическом и культурно-историческом подходах, рассматривающих личную судьбу как значимый источник исторического знания.*

Ключевые слова: *дети репрессированных, советская культурная элита, культурная память, советская власть, лояльность, скрытая оппозиция, биографический подход, повседневность.*
Для цитирования: *Грицай Л.А. Дети «врагов народа» как часть советской культурной элиты 1960–1980-х гг.: между лояльностью к власти и оппозицией // Вестник Владикавказского научного центра РАН. 2026. Т. 26. № 2. С.56–63. DOI 10.46698/VNC.2026.99.28.001*

Children of enemies of the people as part of the Soviet cultural elite of the 1960s and 1980s: between loyalty to power and opposition

Lyudmila A. Gritsay
K.D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, Dr, Russia, **usan82@gmail.com**

Abstract. *The article analyzes the phenomenon of the inclusion of children of the repressed in the Soviet cultural elite of the 1960s and 1980s, which makes it possible to identify complex models of individual adaptation, hidden opposition and open disagreement with the authorities, formed under the influence of family trauma, memory transmission and the peculiarities of the Soviet cultural environment. The research is based on biographical, anthropological, and cultural-historical approaches that consider personal destiny as a significant source of historical knowledge.*

Keywords: *children of repressed, Soviet cultural elite, cultural memory, Soviet power, loyalty, hidden opposition, biographical approach, every day life.*
For citation: *Gritsay L.A. Children of Enemies of the People as Part of the Soviet Cultural Elite of the 1960s and 1980s: between Loyalty to Power and Opposition // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2026. V. 26. No. 2. P. 56–63. DOI 10.46698/VNC.2026.99.28.001*

Обращение к проблеме включения детей репрессированных в состав советской культурной элиты 1960–1980-х гг. представляет собой одно из важных направлений современной отечественной историографии, поскольку именно через призму личных биографий становится возможным увидеть те глубинные и зачастую скрытые механизмы формирования культурной идентичности, политического самоопределения и трансформации ценностей любви к Родине и служения Отечеству, которые в условиях господства официальной идеологии оставались вне поля прямого публичного обсуждения, но при этом оказывали долговременное и нередко определяющее влияние на интеллектуальный и нравственный климат советского общества позднего периода. Актуальность данного исследования определяется тем, что в последние десятилетия историческая наука все более активно обращается к изучению повседневности, биографического и антропологического подходов, а также к проблематике культурной памяти, понимаемой как особое пространство, в котором травматический опыт прошлого не исчезает, а переосмысливается через межпоколенческую передачу опыта, формируя систему ценностей, которая во многих случаях оказывалась более устойчивой и значимой, чем официально транслируемые идеологические установки.

В этом контексте особого внимания заслуживает вопрос о том, каким образом дети репрессированных, выросшие в атмосфере памяти о трагедии, пе-

режитой их родителями, вырабатывали различные модели взаимодействия с советским государством, колеблющиеся в широком диапазоне от глубокой адаптации, включавшей не только формальное принятие правил советской жизни, но и искреннее служение стране и ее идеалам, до скрытой или открытой оппозиции, что позволяет рассматривать культурную элиту не просто как привилегированную социальную группу, а как особое пространство осмысления границ допустимого, внутреннего сопротивления и недоверия к советской власти, не всегда артикулируемого напрямую, но отчетливо проявляющегося в творчестве и жизненном пути.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении и анализе трех основных типов отношения детей репрессированных к советской власти, что достигается путем сопоставления их творчества, жизненных траекторий, характера публичных высказываний, а также способов обозначения или, напротив, замалчивания семейной травмы, связанной с репрессиями. Исследовательская проблема формулируется исходя из противоречия между внешней нормативностью советской культуры 1960–1980-х гг., функционировавшей как система строгих идеологических ограничений, и тем фактом, что часть ее представителей являлась носителями коллективной памяти о репрессивном опыте детства, в результате чего именно внутри культурной элиты происходил медленный, но устойчивый пересмотр официальных мифов и представлений о прошлом, выражавшийся не столько в прямой политической критике, сколько в трансформации этических ориентиров, мировоззренческих установок и эстетических предпочтений.

Научная новизна исследования определяется обращением к истории через судьбы конкретных людей, что позволяет реконструировать сложные и многоуровневые механизмы взаимодействия между памятью о репрессиях 1930–1940-х гг., особенностями советской культурной среды 1960–1980-х гг. и индивидуальными стратегиями адаптации либо сопротивления, которые наиболее отчетливо проявляются именно при анализе биографий представителей культурной элиты, происходивших из семей репрессированных.

Объектом исследования является советская культурная элита 1960–1980-х гг., сформировавшаяся из среды детей репрессированных, тогда как предметом анализа выступают поведенческие стратегии этих людей и модели их отношения к власти, проявлявшиеся на протяжении жизненного и творческого пути; методологическую основу исследования составляют биографический и антропологический подходы, позволяющие выявить внутренние ценностные структуры индивидуальной судьбы, а также культурно-исторический метод, ориентированный на анализ механизмов трансляции травматического опыта, семейной памяти и ее влияния на формирование мировоззрения личности; дополнительно используются методы исторической психологии, необходимые для осмысления роли детских переживаний в формировании политической идентичности, и элементы структурного анализа продуктов творчества, дающие возможность сопоставить жизненные траектории исследуемых авторов.

Как известно, понятие «враг народа», восходящее к римской юридической традиции, где статус *hostis publici* означал исключение человека из правового и социального пространства, в советской политической культуре наполнилось принципиально иным смыслом, превратившись из правовой категории в мощный инструмент идеологического конструирования социальной реальности, внутри которой любое отклонение от партийной линии трактовалось как прямая угроза государственному строю, основанному на представлении об абсолютной истинности и исторической непогрешимости авангардной роли большевистской партии. В раннесоветский период, на что неоднократно указывала историография, термин «враг народа» активно использовался в революционной риторике и позволял политическому руководству, включая В.И. Ленина, выстраивать жесткую бинарную оппозицию между досоциалистическим и социалистическим мирами, в рамках которой противник воспринимался не просто как носитель иной политической позиции, но как экзистенциальный разрушитель нового социального порядка, подлежащий исключению из морального, политического и символического сообщества. Этот семантический сдвиг, усилившийся к концу 1920-х годов, был детально проанализирован М.Э. Жарким, подчеркивавшим, что в условиях формирования большевистской модели управления данное понятие постепенно утрачивало собственно юридическое содержание и превращалось в универсальный ярлык политического оппонента, применимый вне зависимости от конкретных правовых оснований [1, с. 151].

Развитие репрессивной системы в середине 1930-х годов сопровождалось дальнейшей институционализацией этой категории, что проявлялось как в нарастающем пропагандистском давлении, так и в ее закреплении в нормативно-правовом поле, включая Конституцию СССР 1936 года, в результате чего репрессии приобрели характер формально узаконенной практики. В этот же период получает официальное оформление и производная категория «член семьи изменника Родины», ставшая прямым следствием внедрения в уголовное законодательство принципа ответственности по признаку родства, что радикально меняло само представление о границах вины и наказания. Как показывают исследования Г.А. Салтыка, включение родственников осужденных в особую правовую группу создавало условия для распространения репрессивного воздействия на ближайшее социальное окружение, фактически переводя институт семьи в сферу постоянного политического контроля [2, с. 20], в то время как Д.Ю. Каратыгина и

М.М. Яблонская, анализируя судьбы жен репрессированных, справедливо отмечают, что подобная конструкция предполагала не только юридическое преследование, но и глубокую социальную изоляцию, сопровождавшуюся депортациями, заключением и системой административных ограничений, разрушавших привычный уклад семейной жизни и трансформировавших отношения между поколениями [3, с. 123].

Наиболее уязвимым элементом этой системы оказались дети ЧСИР, которые в зависимости от обстоятельств направлялись в спецдетдома НКВД, распределялись по приемникам либо передавались родственникам, однако даже последняя форма устройства не обеспечивала им защиты от стигматизации и постоянного надзора со стороны государства. На материалах региональных исследований, проведенных И.А. Шихеевой-Гайстер, убедительно показано, что дети репрессированных сталкивались не только с хроническими материальными лишениями, но и с острым ощущением утраты безопасности, что способствовало формированию устойчивой тревожности, недоверия к государственным институтам и ранней психологической зрелости, выступавшей вынужденной реакцией на пережитый травматический опыт [4, с. 57]; сходные выводы содержатся и в работах В.М. Коренюка, исследовавшего условия жизни детей репрессированных в Молотовской области (название Пермской области в составе РСФСР с 8 марта 1940 года по 2 октября 1957 года) в годы войны, где стигматизация, голод, бытовая неустроенность и постоянный страх осуждения формировали у ребенка ощущение собственной уязвимости и фундаментальной ненадежности окружающего мира [5, с. 33].

В более широком контексте массовых репрессий принципиальное значение имеет осмысление масштабов человеческих потерь, к чему неоднократно обращался В.Н. Земсков, настаивавший на строгом следовании архивным данным и отказе от манипулятивных интерпретаций. Согласно его подсчетам, только в 1937–1938 гг. репрессиям подверглось около 1,3 млн человек, из которых свыше 680 тысяч были расстреляны, однако даже эта статистика не учитывает косвенных жертв, прежде всего детей осужденных [6, с. 8]. С этой точки зрения репрессии предстали как многоуровневая травма, затрагивавшая не только непосредственных жертв, но и следующие поколения, что подчеркивают Ю.Р. Арсланова и Н.П. Калашникова, анализируя судьбы детей ЧСИР и показывая, что опыт ранней депривации становился для них фундаментальным элементом всей последующей жизненной траектории [7, 2023, с. 108].

Психологическая травма детей репрессированных носила универсальный характер и практически не зависела от социального происхождения семьи, что подтверждают исследования Н.А. Анасийчук, реконструирующей повседневные практики детей репрессированных в Иркутской области, где и дети номенклатуры, и дети крестьян сталкивались с единым механизмом разрушения привычной среды и навязанной стигматизацией, сопровождавшей их на протяжении всей дальнейшей биографии [8, с. 162], при этом данная травма постепенно закреплялась в форме семейной памяти, вступавшей в негласное противоречие с официальными идеологическими нарративами государства.

Особую роль в интерпретации межпоколенных последствий репрессий сыграли психологические исследования, опиравшиеся на системную теорию семьи М. Боуэна, в частности в работе К. Бейкера и Ю.Б. Гиппенрейтер была показана значимость таких механизмов, как межпоколенная трансляция и отрыв, описывающих способы передачи эмоциональных моделей и поведенческих стратегий внутри семьи [9, с. 68]. При этом авторы приходят к выводу, что устойчивые эмоциональные паттерны, сформированные в семьях репрессированных, передавались детям и внукам, сохраняя высокий уровень тревожности, эмоциональной неустойчивости и переживания постоянной угрозы даже спустя десятилетия.

Эти наблюдения находят подтверждение и в выводах И.Б. Бовиной, исследовавшей социальные представления о репрессиях в двух поколениях потомков, согласно ее данным, дети и внуки репрессированных воспринимают репрессии как личную часть собственной семейной истории и демонстрируют устойчивые эмоциональные реакции тревоги, горевания и депрессивных состояний, в отличие от контрольной группы, для которой репрессии остаются абстрактным историческим событием [10, с. 51], что в совокупности позволяет рассматривать семейную память как самостоятельный и слабо контролируемый государством фактор формирования идентичности.

Когда дети репрессированных вступали во взрослую жизнь и оказывались включенными в состав советской культурной элиты 1960–1980-х гг., их опыт ранней травмы неизбежно вступал во взаимодействие с ожиданиями и требованиями советской системы, формируя сложную конфигурацию внешней лояльности и внутренней оппозиционности.

Фактически представители этого поколения, формально интегрированные в государственные и культурные институты, нередко демонстрировали двойственную позицию, сочетая внешнее принятие советского строя с внутренними сомнениями в его справедливости, что находило отражение в творчестве, эстетических предпочтениях и мировоззренческих ориентациях. Поэтому одни уходили в творчество как способ символического преодоления травмы и кодирования памяти о несправедливости, воспроизводя семейные модели скрытого сопротивления, тогда как другие стремились доказать собственную благонадежность и порядочность, рассматривая служение государству как форму реабилитации семейной чести, однако даже в этих случаях глубинная тревога и недоверие к власти

оставались устойчивыми следами детского опыта.

Именно эта внутренняя раздвоенность делает поколение детей репрессированных уникальным элементом советской культурной элиты 1960–1980-х гг., чье участие в культурном процессе несет на себе отчетливые следы межпоколенной передачи травмы и семейной памяти, позволяя рассматривать данный феномен как важный компонент советской истории, отражающий сложное и противоречивое взаимодействие индивидуального опыта, государственного давления и устойчивых структур семейной идентичности.

В анализируемую выборку включены 65 представителей советской культурной элиты, объединенных не профессиональной принадлежностью и не общностью эстетических взглядов, а одним, однако принципиально значимым биографическим обстоятельством, заключающимся в том, что один или оба родителя этих деятелей культуры в 1930–1940-е гг. подверглись политическим репрессиям, были арестованы, сосланы, умерли в заключении либо расстреляны, что определило фундаментальные параметры их жизненного опыта.

Среди них оказались писатели, актеры, режиссеры, поэты, композиторы, представители театра, кино и музыки, чьи имена прочно вошли в культурный канон советского периода. Среди них: писатель Чингиз Айтматов (отец расстрелян), писатель Анатолий Алексин (отец приговорен к расстрелу, мать уволена), писатель Василий Аксенов (отец и мать репрессированы), кинорежиссер Александр Аскольдов (отец и мать арестованы), писатель и актер Борис Андроникашвили (отец расстрелян, мать сослана), писатель Виктор Астафьев (отец репрессирован), актриса Ольга Аросева (отец и мачеха расстреляны), поэт Всеволод Багрицкий (мать арестована и сослана), писатель Григорий Бакланов (отец покончил с собой после ссылки), писатель Владимир Богомолов (отец репрессирован), актер Леонид Броневой (отец расстрелян), драматург и прозаик Александр Вампилов (отец расстрелян), актер Петр Вельяминов (отец арестован, мать сослана), актер и режиссер Евгений Весник (отец расстрелян, мать сослана), бард и актер Юрий Визбор (отец расстрелян), певица Галина Вишневская (отец репрессирован), писатель Владимир Войнович (отец репрессирован), певица Анна Герман (отец расстрелян), журналист Александр Гинзбург (отец умер в заключении), композитор Владимир Дашкевич (отец репрессирован), актер Владислав Дворжецкий (отец репрессирован), актриса Алла Демидова (отец репрессирован), поэт Николай Добронравов (отец и мать арестованы), поэт Евгений Долматовский (отец расстрелян), писатель Венедикт Ерофеев (отец репрессирован), режиссер Марк Захаров (отец арестован), актер Александр Збруев (отец расстрелян), писатель и бард Юлий Ким (отец расстрелян, мать сослана), актер Михаил Козаков (мать репрессирована), актер Эдуард Кочергин (отец расстрелян, мать сослана), актер Савелий Крамаров (отец репрессирован), актриса Наталья Крачковская (отец репрессирован), кинорежиссер Лев Кулиджанов (отец репрессирован, мать сослана), актер Леонид Куравлев (мать репрессирована), актер Евгений Лебедев (отец и мать репрессированы), актер и писатель Валерий Медведев (отец расстрелян, мать репрессирована), актриса и режиссер Ирина Мейерхольд (отец расстрелян), поэт Юнна Мориц (отец арестован, затем реабилитирован), сценарист Нелли Морозова (отец расстрелян, мать репрессирована), писатель Юрий Нагибин (отец расстрелян, отчим сослан), бард Булат Окуджава (отец расстрелян, мать сослана), актриса Татьяна Окуневская (отец расстрелян), актер Александр Панкратов-Черный (отец и мать репрессированы), балерина Майя Плисецкая (отец расстрелян, мать сослана), актриса Софья Пилявская (отец расстрелян), пианист Святослав Рихтер (отец расстрелян), режиссер Марк Розовский (отец репрессирован), кинорежиссер Эльдар Рязанов (отец репрессирован), поэт Юрий Ряшенцев (отец репрессирован), писатель Юлиан Семенов (отец репрессирован), писатель Андрей Синявский (отец репрессирован), актер Иннокентий Смоктуновский (отец и дед раскулачены, дядя расстрелян), рок-музыкант Игорь Тальков (отец и мать репрессированы), поэт Михаил Танич (отец расстрелян, мать репрессирована), композитор Микаэл Таривердиев (отец репрессирован), поэт Александр Твардовский (семья раскулачена и сослана), актриса Валентина Теличкина (отец репрессирован), режиссер Георгий Товстоногов (отец репрессирован), писатель Юрий Трифонов (отец расстрелян, мать сослана), актер Евгений Урбанский (отец и мать репрессированы), актриса Зоя Федорова (отец репрессирован), кинорежиссер Марлен Хуциев (отец расстрелян), актер Станислав Чекан (отец репрессирован), драматург Михаил Шатров (отец расстрелян, мать репрессирована), писатель Василий Шукшин (отец расстрелян), актер Олег Янковский (отец репрессирован).

Все эти люди репрезентировали себя в советском социуме по-разному, выбирая различные формы адаптации, внутренней или внешней дистанции, либо открытой критики по отношению к власти, хотя общая биографическая травма задавала рамки этого выбора.

Следует отметить, что подавляющее большинство представителей этой группы не подвергалось преследованиям в 1960–1980-х гг., что позволяет говорить об их институциональном включении в советский культурный канон, однако травмы, полученные в детском возрасте вследствие ареста, ссылки или расстрела родителей, сохранялись в форме глубокой эмоциональной памяти, структурируя их восприятие советского общества как пространства неустранимого двойного дна, где официальное утверждение гуманистических идеалов сочеталось с опытом семейной катастроф и где любое публично выраженное доверие оказывалось внутренне осложненным невозможностью полностью поверить

в справедливость и гуманность государственного строя, как это отчетливо прослеживается в интерпретациях Василия Шукшина, который, будучи человеком подлинно народной природы и искренне стремясь принять идеалы социальной гармонии, все же не мог преодолеть глубинное недоверие, обусловленное несправедливой гибелью отца, или в лирическом мироощущении Булата Окуджавы, где интимная интонация неизменно соседствует с едва уловимым оттенком печали и исторической настороженности.

Принципиально важным для исследования является социальное разнообразие этой группы, поскольку дети репрессированных, достигшие статуса культурной элиты, вовсе не образовывали гомогенной среды, напротив, они происходили из различных социальных слоев и национальных групп. Например, Олег Янковский или Петр Вельяминов были выходцами из дворянской среды, Леонид Броневой, Савелий Крамаров, Марк Захаров, Василий Аксенов были представителями еврейской культурной традиции, Василий Шукшин или Виктор Астафьев вышли из крестьянской среды, другие представители творческой интеллигенции имели польские, немецкие, прибалтийские или армянские корни, как, например, Владислав Дворжецкий, Анна Герман, Юрий Визбор или Булат Окуджава (отец – грузин, мать – армянка), что подчеркивает отсутствие единой социальной базы и, напротив, выявляет общность исключительно биографической травмы, которая становилась универсальным фактором формирования их политических установок, независимо от этничности, религиозной принадлежности или социального происхождения.

При этом по отношению к советской власти этих людей на основе их публичных высказываний, мемуаров и творчества можно разделить на три группы.

Первая группа включает тех представителей культурной элиты, которые, несмотря на детскую травму, сумели полностью вписаться в советскую систему, добиться признания, получить государственные награды, не нарушая внешней лояльности и не вступая в открытую конфронтацию с властью. При этом не до 1991 года, ни после его они публично не высказывали свое негативное отношение к советскому строю.

Вторая группа охватывает тех, кто в период 1960–1980-х гг. сохранял формальную лояльность, достиг значимых профессиональных успехов, но одновременно нес в себе скрытое, латентное недоверие к власти, которое становилось все более явным в годы перестройки, когда именно эти люди оказались среди первых, кто начал открыто в своих интервью критиковать политическую систему СССР, публикуя произведения, в которых центральной темой становилась память о репрессиях.

Третья группа объединяет людей, которые не приняли советскую власть ни внешне, ни внутренне, избрали путь диссидентства, культурной оппозиции или эмиграции, тем самым превращая собственный биографический опыт в источник открытой критики советского строя.

Таким образом, анализ показывает, что дети репрессированных, вошедшие в советскую культурную элиту 1960–1980-х гг., составляли многослойную и противоречивую социальную группу, для которой общность биографической травмы являлась объединяющим основанием, тогда как механизмы творческой самореализации и модели политического поведения существенно различались.

Рассмотрим представителей всех этих групп более подробно.

Первая группа объединяет тех представителей культурной элиты, которые, несмотря на репрессии, которые им пришлось пережить в детстве или юности, продолжили работать на благо страны, служа Отечеству и русской культуре и внешне не подвергая сомнению идеологические постулаты советского строя.

Наиболее показательным примером такого типа поведения выступает актер Петр Вельяминов, происходивший из дворянской репрессированной семьи, в молодости проведший почти десятилетие в лагерях по обвинению в антисоветской деятельности, после освобождения в зрелом возрасте прославившийся своими ролями в кино. Актер играл советских милиционеров, чекистов и положительных героев и подчеркивал в своих поздних интервью, что лагерный опыт научил его терпению и силе духа. Аналогичную модель поведения демонстрировал бард и актер Юрий Визбор, чье творчество было пронизано верой в дружбу и любовь, романтикой путешествий. Отметим, что при жизни он никогда не высказывался против советской власти.

Борис Андроникашвили, сын расстрелянного писателя Бориса Пильняка, также не допускал публичной критики власти. Александр Аскольдов, автор фильма «Комиссар», хотя и создал произведение, запрещенное на два десятилетия, не делал прямых политических заявлений и в публичной сфере не выступал в роли критика власти, передавая свое отношение к проблеме исключительно через художественные средства в форме аллегорического осмысления Гражданской войны как человеческой катастрофы.

То же самое можно сказать в отношении писателя Юлиана Семенова, долгое время работавшего в рамках официальной идеологии и создававшего произведения, ориентированные на укрепление патриотизма. Безусловно, Семенов в поздний период творчества начал создавать произведения, осуждающие сталинизм как структурную ошибку системы, но при этом против самого государства он не выступал.

В первую группу также следует включить Анну Герман, чья творческая деятельность не содержала политического измерения, Аллу Демидову, Николая Добронравова, Евгения Долматовского, Льва Кулиджанова, Леонида Куравлева, Евгения Лебе-

дева, Марлена Хуциева, Олега Янковского, Юнну Мориц и Микаэла Таривердиева, каждый из которых демонстрировал тип культурной адаптации, выражающийся либо в эстетическом дистанцировании от политики, либо в прямом избегании публичного обсуждения репрессивного опыта семьи, что делало их частью устойчивого корпуса советской культурной элиты без выраженных признаков политической оппозиционности.

Мотивами их жизненного выбора могли стать как стремление скрыть свой болезненный семейный опыт, так и примирение со своим прошлым, стремление служить своему народу и Родине или просто нежелание вступать в конфликт с государством.

Вторая группа включает тех представителей культурной элиты, которые в советское время сохраняли внешнюю лояльность, не конфликтовали с государственными структурами открыто, не выступали с прямыми критическими заявлениями, однако внутренне хранили в себе боль от пережитой травмы, возлелеивали в себе оппозиционные настроения, обусловленные моральным неприятием советской системы, что стало заметным в период перестройки, когда многие из них оказались среди первых критиков государственного строя, переосмысливая историю и публично заявляя о своем несогласии с ценностными постулатами советского строя.

К данной группе прежде всего относятся Виктор Астафьев, Марк Захаров, Булат Окуджава, Марк Розовский, Эльдар Рязанов и Игорь Тальков, каждый из которых демонстрировал трансформацию творческой позиции от умеренной скрытой критики к открытому антисоветскому дискурсу в конце 1980-х и начале 1990-х годов.

Виктор Астафьев, чья критика советской власти и Великой Отечественной войны долгое время выражалась лишь в личных письмах и приватных разговорах, в период перестройки стал открыто использовать публицистическую трибуну для разрушения советского исторического канона, что привело к значительным общественным дискуссиям и сделало его одним из наиболее радикальных критиков советской интерпретации войны.

Марк Захаров и Булат Окуджава использовали эзопов язык искусства как средство критики тоталитаризма, так как в условиях советской системы подобные формы высказывания рассматривались как безопасный способ артикулировать оппозиционные идеи, не вступая в прямой конфликт с цензурой. В перестройку оба автора активно участвовали в формировании нового культурного языка, который разрушал мифологические конструкции советского периода, оба они безапелляционно критиковали советский строй.

Режиссер Марк Розовский, создававший спектакли с выраженными антирепрессивными аллегориями, в постсоветское время стал одним из наиболее резких критиков сталинской эпохи, открыто связывая семейную трагедию с политической системой. Кинорежиссер Эльдар Рязанов, который еще в 1970-х гг. использовал сатиру для разоблачения социальных пороков советского общества, после 1991 года высказывался значительно жестче, подчеркивая страх перед властью и масштаб репрессий. Игорь Тальков, ставший популярным уже в период перестройки, стал одним из символов открытой критики советской системы через политическую песню, которая приобрела массовый общественный резонанс.

Таким образом, представители второй группы советской культурной элиты, внешне сохраняя лояльность к советской власти, на самом деле являлись ее острыми критиками, однако свои взгляды они начали открыто демонстрировать только на закате советской эпохи.

Третья группа включает тех представителей культурной элиты, чья оппозиционная позиция формировалась как открытая, что выражалось в создании произведений, прямо критикующих советскую власть, участии в диссидентских инициативах, конфликте с цензурой и органами госбезопасности, а также в вынужденной эмиграции, которая становилась для них продолжением политической борьбы. Наиболее показательными примерами данного типа поведения выступают Василий Аксенов, Владимир Войнович, Галина Вишневская, Александр Гинзбург и Савелий Крамаров.

Василий Аксенов, например, открыто конфронтировал с советской властью, участвовал в создании самиздатовского альманаха «Метрополь», что привело к эмиграции в США в 1980 году. Владимир Войнович, автор сатирических произведений, прямо высмеивавших советскую идеологию, изначально занимал позицию несогласия с политической системой, в 1981 году он был лишен гражданства за антисоветскую деятельность. Галина Вишневская и ее супруг Мстислав Ростропович, поддерживавшие А. Солженицына и публично выражавшие несогласие с советской системой, были лишены гражданства в 1978 году, хотя эмигрировали ранее, в 1974 году. Александр Гинзбург также активно участвовал в самиздате и критиковал власть, что привело его к эмиграции. Савелий Крамаров требовал предоставить ему право уехать из СССР по религиозным и политическим причинам, эмигрировал он в 1981 году.

Таким образом, представители этой части культурной элиты шли на открытое сопротивление советской власти, что привело их к эмиграции из страны еще в советский период.

ВЫВОДЫ. Проведенное исследование позволяет утверждать, что политическая и культурная позиция детей репрессированных, вошедших в состав советской культурной элиты 1960–1980-х гг., формировалась под воздействием сложного и многослойного переплетения семейных воспоминаний, личного жизненного опыта, структурных особенностей советского общества и меняющихся

социокультурных ценностей, в пространстве которых их творчество и публичная деятельность становились одновременно способом приспособления к существующей системе, формой внутреннего сопротивления либо, в ряде случаев, инструментом открытой политической борьбы.

В этом контексте репрессии могут рассматриваться не только как трагический эпизод политической истории, связанный с противостоянием различных проектов развития советского государства, но и как источник долгосрочных социальных последствий, одним из которых стало появление целого поколения детей «врагов народа», чье значение для последующей истории оказалось значительно глубже, чем предполагала сама репрессивная машина. Эти дети, выросшие в атмосфере семейной утраты и травмы, со временем превратились не просто в часть советского общества, но и в заметный сегмент культурной элиты, который нес в себе опыт насилия по отношению к их близким и на его основе формировал разнообразные, нередко противоречивые модели отношения к государству и власти.

Одни представители этой элиты приняли свое прошлое как неизбежность исторической судьбы, сумели примириться с ним и посвятили себя служению стране, воспринимая собственную биографию как органичную часть общего национального пути; другие оказались втянуты в состояние скрытого сомнения и латентного сопротивления, которое в условиях перестройки трансформировалось в открытую критику советской власти; третьи же сформировали устойчивую оппозиционную позицию, вступили в прямой конфликт с государством, подверглись преследованиям либо избрали путь эмиграции. При всем различии личных и творческих траекторий объединяющим основанием для них оставалось воздействие семейной памяти, которая во многих случаях оказывалась сильнее официального публичного дискурса, поскольку даже те, кто внешне сохранял лояльность системе, зачастую уже не разделяли веры своих отцов в социалистический проект, воспринимая его не как идеологию будущего, а как противоречивый исторический опыт, требующий внутреннего осмысления и дистанции.

Анализ показывает, что семейная память обладала значительно большей устойчивостью по сравнению с идеологическими конструкциями государства и институциональными механизмами воспитания, поскольку она передавала не только знания о прошлом, но и эмоциональный опыт, страх, чувство несправедливости либо, напротив, стремление к примирению, тем самым формируя внутренний мир личности на более глубоком уровне. В результате происходило постепенное истончение официальной идеологии, так как миф о советской власти как наиболее справедливой и гуманной системе утрачивал внутреннюю убедительность, а ценностное основание государства начинало подтачиваться изнутри. Выбор конкретного человека в этой ситуации определялся не только его биографией, но и индивидуальным способом осмысления пережитого, поскольку одни дети репрессированных родителей продолжали любить страну и служить ей, другие отвергали ее, а третьи, что оказывалось особенно разрушительным для общественной системы, сохраняли внешнюю лояльность, сочетая ее с внутренним отчуждением и недоверием.

Именно в этом напряжении между памятью семьи и идеологией государства формировалась особая культурная среда позднего СССР, которая не всегда проявлялась в прямой политической оппозиции, но оказывала долговременное влияние на интеллектуальный и нравственный климат эпохи, в конечном итоге став одним из факторов ослабления советской системы и важным элементом исторической динамики второй половины XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жаркой М.Э. Репрессии середины тридцатых годов (проблемы осмысления сущности) // Мир политики и социологии. 2013. № 12. С. 148–159.

2. Салтык Г.А. С клеймом «враг народа»: о судьбах репрессированных курян и их семей // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2009. № 4(12). С. 17–31.

3. Каратыгина Д.Ю., Яблонская М.М. Жены репрессированных // Ценности права: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции школьников и первокурсников, Екатеринбург, 16–17 мая 2025 г. Екатеринбург: УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева, 2025. С. 120–127.

4. Шихеева-Гайстер И.А. Дети врагов народа: семейная хроника времен культа личности. Tenafly, N. J.: Hermitage, 2003. ISBN 1-55779-131-7.

5. Коренюк В.М. «Жизнь на грани» (повседневные реалии детей врагов народа в Молотовской области в годы Великой Отечественной войны) // Сталинизм: идеология и практика: материалы международной научно-практической конференции, Пермь, 24–25 сентября 2015 г. Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2016. С. 31–37.

6. Земсков В.Н. О масштабах политических репрессий в СССР (против спекуляций, извращений и мистификаций) // Былые годы. 2012. № 4(26). С. 6–17.

7. Арсланова Ю.Р., Калашникова Н.П. АЛЖИР: детские судьбы политических репрессий (фрагменты архивных материалов и устных историй) // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26, № 3. С. 93–114.

8. Анасийчук Н.А. «Репрессированное детство» (на материалах Иркутской области в 1930–1950-х гг.) // Всероссийский исследовательский форум студентов и учащихся: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 2. Петрозаводск, 15 ноября 2020 г. Петрозаводск: МЦНП «Новая Наука», 2020. С. 150–175.

9. Бейкер К., Гиппенрейтер Ю.Б. Влияние сталинских репрессий конца 30-х годов на жизнь семей в трех поколениях // Вопросы психологии. 1995. № 2. С. 66–75.

10. Бовина И.Б. Помнить нельзя забыть: особенности социальных представлений о политических репрессиях в двух поколениях // Социальные представления в постнеклассической психологии. 2021. № 2. С. 45–58.

11. Кутузов А.В., Папилин Г.А. Политические репрессии в СССР в контексте общественно-политических процессов

1930-х гг. // Правда и Закон. 2020. № 4(14). С. 13–22.
12. Оспанова И. Жены врагов народов: жизнь в тени репрессий // Евразийский Союз Ученых. Серия: исторические, политические и социологические науки. 2023. № 5(103). С. 4–8. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2023.3.103.1815.
13. Тимшина Е.Л. Политические репрессии советской эпохи в партийной исторической политике современной России // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 2. С. 74–88. DOI: 10.7256/2454-0609.2022.2.37689.
14. Шуткова Е.Ю. Советские политические репрессии в отношении несовершеннолетних (1917–1953 гг.): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Ижевск, 2003. 27 с.
15. Kerr M.E., Bowen M. Family evaluation: An approach based on Bowen theory. New York, 1988.

REFERENCES

1. Zharkoi M.E. Repressii serediny tridtsatykh godov (problemy osmysleniya sushchnosti) // Mir politiki i sociologii. 2013. № 12. S. 148–159.
2. Saltyk G.A. S kleimom «vrag naroda»: o sud'bakh repressirovannykh kuryan i ikh semei // Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 4(12). S. 17–31.
3. Karatygina D.Yu., Yablonskaya M.M. Zheny repressirovannykh // Tsennosti prava: materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii shkol'nikov i pervokursnikov, Ekaterinburg, 16–17 maya 2025 g. Ekaterinburg: UrGYuU im. V.F. Yakovleva, 2025. S. 120–127.
4. Shikheeva-Gaister I.A. Deti vragov naroda: semeinaya khronika vremen kul'ta lichnosti. Tenafly, N. J.: Hermitage, 2003. ISBN 1-55779-131-7.
5. Korenyuk V.M. «Zhizn' na grani» (povsednevnye realii detei vragov naroda v Molotovskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny) // Stalinizm: ideologiya i praktika: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Perm', 24–25 sentyabrya 2015 g. Perm': Permskii gosudarstvennyi gumanitarno-pedagogicheskii universitet, 2016. S. 31–37.
6. Zemskov V.N. O masshtabakh politicheskikh repressii v SSSR (protiv spekulyatsii, izvrashchenii i mistifikatsii) // Bylye gody. 2012. № 4(26). S. 6–17.
7. Arslanova Yu.R., Kalashnikova N.P. ALZhIR: detskie sud'by politicheskikh repressii (fragmenty arkhivnykh materialov i ustnykh istorii) // Rossiya v global'nom mire. 2023. T. 26, № 3. S. 93–114.
8. Anasiichuk N.A. «Repressirovannoe detstvo» (na materialakh Irkutskoi oblasti v 1930–1950-kh gg.) // Vserossiiskii issledovatel'skii forum studentov i uchashchikhsya: sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 2 ch. Ch. 2. Petrozavodsk, 15 noyabrya 2020 g. Petrozavodsk: MTsNP «Novaya Nauka», 2020. S. 150–175.
9. Baker K., Gippenreiter Yu.B. Vliyanie stalinskikh repressii kontsa 30-kh godov na zhizn' semei v trekh pokoleniyakh // Voprosy psikhologii. 1995. № 2. S. 66–75.
10. Bovina I.B. Pomnit' nel'zya zabyt': osobennosti sotsial'nykh predstavlenii o politicheskikh repressiyakh v dvukh pokoleniyakh // Sotsial'nye predstavleniya v postneklassicheskoi psikhologii. 2021. № 2. S. 45–58.
11. Kutuzov A.V., Papilin G.A. Politicheskie repressii v SSSR v kontekste obshchestvenno-politicheskikh protsessov 1930-kh gg. // Pravda i Zakon. 2020. № 4(14). S. 13–22.
12. Ospanova I. Zheny vragov narodov: zhizn' v teni repressii // Evraziiskii Soyuz Uchenykh. Seriya: istoricheskie, politicheskie i sotsiologicheskie nauki. 2023. № 5(103). S. 4–8. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2023.3.103.1815.
13. Timshina E.L. Politicheskie repressii sovetskoi epokhi v partiinoi istoricheskoi politike sovremennoi Rossii // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2022. № 2. S. 74–88. DOI: 10.7256/2454-0609.2022.2.37689.
14. Shutkova E.Yu. Sovetskie politicheskie repressii v otnoshenii nesovershennoletnikh (1917–1953 gg.): avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. ist. nauk. Izhevsk, 2003. 27 s.
15. Kerr M.E., Bowen M. Family evaluation: An approach based on Bowen theory. New York, 1988.